

Борис Васильев

Короткая рокировка

Лет двадцать назад, бывая на почте, за стеклянным барьером я часто видел хрупкую худенькую женщину. Руки ее всегда были заняты, глаза безостановочно скользили по строчкам бланков и квитанций, и я никогда не видел ее лица. Только ссутуленную спину, выглядевшую щемяще незащитно, да нежную, длинную и тоже странно незащитную шею. Я не знал, как ее зовут, да, признаться, и не стремился узнать, но когда она вдруг исчезла, испытал состояние неопределенной тревоги и почему-то столь же неопределенной вины...

Отца Дина помнила смутно. Помнила запах машинного масла и колени, на которых так уютно было засыпать. И еще ей рассказывали, что отец очень любил ловить рыбу, пока сам не попал на крючок. А жили они тогда в Перми.

— Ни в чем он не был виноват, доченька, — горестно вздыхала мама. — Доверчивым был, вот на него все и свалили. И засудили на семь лет как материально ответственного.

Семью поднимала мама. Она работала швеей-мотористкой, денег не хватало, и по ночам

мама шила фартуки. И упрямо тащила своих трех девочек, как крестьянская лошаденка тащит нагруженный воз. И Дина до боли, до слез любила маму, старалась помогать и училась изо всех сил.

В школе ей больше всего нравилась историчка Алина Михайловна и — история. Настолько, что она твердо решила после школы идти на исторический и непременно в МГУ, хотя это означало, что маму вместе с сестрами придется временно оставить. Но девочки были уже большими, золотая медаль оказалась вполне достижимой, и Дина отправила документы. Мама не препятствовала, хоть и плакала потихоньку, а Алина Михайловна похвалила за целеустремленность. Правда, Дина лишь спустя время узнала, что Алина Михайловна навестила маму и с глазу на глаз посоветовала не отпускать дочь в Москву.

— Провалится, думаете? А сами хвалили. Усердная, мол.

— Усердная, — согласилась учительница. — И очень способная. Но главное, глубокая она девочка. Глубокая натура.

Мама не очень поняла, что значит «глубокая натура», но догадалась, что дочку хвалят. И обрадовалась:

— Так это ж хорошо, что глубокая. Меньше глупостей наделает.

— Глупостей она натворит столько же, сколько и все девочки, а вот переживать свои глупости будет не как все. Тяжело переживать будет, а вы — далеко. Ей бы годочка два рядом с вами пожить.

— Ничего, — вздохнула мама, подумав. — Надо самой свою жизнь устраивать, я так считаю. Пусть едет, может, там замуж выйдет. В столице мужчины культурные.

Все было решено, и Дина помчалась в Москву, имея с собой три платья, пару туфель, связанную мамой кофточку и совсем еще модную юбку. Тук-тук-тук, тук-тук-тук... Ах, как весело стучат колеса, когда тебе восемнадцать!

Однако сшитые мамой платьица и даже почти модная юбка в МГУ смотрелись как-то странно, что поначалу давало много поводов для слез. Но Дина не была бы Диной, если бы не сделала своего вывода. Не усредненно-девичьего, а своего, личного. Она сочиняла стихи, организовывала вечера, никогда не отказывалась от каких бы то ни было поручений, весело ездила на картошку и в стройотряды, и вскоре ее дружно избрали редактором стенгазеты. Но Дине этого было недостаточно: промучившись месяца три, она в совершенстве постигла технику современных танцев. И на все ее хватало, и ее веселый смех слышал весь университет. Но мало кто знал, что

Дина давно урезала свой и без того короткий сон, устроившись на почту разбирать утреннюю корреспонденцию. Заработок был невелик, но этим Дина обеспечивала не только себя, но и раз в два-три месяца умудрялась отправлять посылки в далекий город детства.

Вот каким путем Дина добилась победы в вековой девичьей схватке за первый ряд. Это требовало величайшей организованности, поскольку приходилось сочетать почту и университет, общественные нагрузки и любимые танцы. И Дина сочетала, не теряя веселой уверенности в себе.

Вероятно, все было правильно: к третьему курсу четверо (и среди них один аспирант, между прочим) объяснились в любви, но Дина любить еще не умела: ей еще предстояло открыть, что любовь состоит не только из смеха и радостей. Она пребывала в состоянии влюбленности и веселилась вовсю, затмевая девчонок на танцульках.

Но все на свете имеет начало и конец, и у Дины эти концы и начала оказались связанными с падением. Отработав свое время на почте, она по первому морозцу бежала на лекции и поскользнулась. И, несмотря на природную грациозность и отточенную танцами ловкость, грохнулась так, что осталась сидеть на тротуаре, глядя, как распухает щиколотка.

— Дина?

Это был сын Полины Андреевны, заведующей отделом доставки на ее почте. Кажется, его звали Володей и учился он в МАИ...

— Здесь больно? А так?

— Так — ой.

— Немедленно к врачу, тут рядом поликлиника. Ребята, ну-ка помогите.

Остановил трех эфиопов, спешивших в университет. Вчетвером они легко подхватили Дину, отнесли в ближайшую поликлинику.

— Такие ноги надо беречь, — ворчливо заметил врач.

Он был молод, очень серьезен, в словах не чувствовалось пошлости, и Дина начала краснеть. Доктор оказал помощь и велел обождать. А через час вызвал такси, отвез в общежитие и довел до комнаты.

— Я приду через три дня. Ногу постарайтесь не беспокоить.

— Подождите, ведь я должна за такси...

— Ничего вы не должны. Врач обязан доставлять больного, у нас есть специальная статья расходов.

Дина прекрасно понимала, что никакой статьи нет, но молчала, потому что ей стало удивительно хорошо. И доктор молча топтался у дверей, потому

что знал, что она это понимает, и смущался. А потом сказал неожиданно:

— Значит, завтра. В четыре.

И вышел. А она глядела в потолок и улыбалась, пока не пришла соседка по комнате. И Дина немедленно рассказала, какой доктор замечательный, как он смущается, какой он серьезный и наверняка очень талантливый.

Доктор... Пора уже назвать его, как его вскоре начала называть Дина. Так вот, доктор Боря ходил каждый день, сам делал компрессы и массаж, но говорил мало, и Дина трещала за двоих. Болтала, потому что смущалась, ощущая, что все глубже утопает в не очень еще ясном для нее чувстве, а доктор молчал по той же причине. Но когда нога окончательно поправилась, вздохнул.

— Ну вот. Я вам больше не нужен.

— Почему? — Дина покраснела и тут же продолжила: — Я думаю... То есть мне кажется, что одной вечером мне ходить нельзя. Например, в кино.

Он улыбнулся, словно осветившись изнутри.

— В шесть часов можете?

На другой день они пошли в кино на какую-то дребедень, но Дине все тогда нравилось. Она с удовольствием заговорила о фильме, но тут же ощутила несогласие за его вежливыми поддакиваниями. Через сутки они опять попали на

ерунду и опять по ее выбору, и на этот раз Дина решила промолчать. А доктор Боря улыбнулся и спокойно объяснил, что существует кинематограф развлечения и кинематограф искусства и что на пустые киношки не стоит тратить времени. И Дина, слушая его неторопливую и очень убедительную речь, с восхищением думала, какой же он умница и какая же она счастливица.

— А вообще лучше всего музыка, — сказал он. — На той неделе пойдем в консерваторию.

Тут Дина немного струхнула: она ни разу не была в консерватории, предпочитая самоутверждаться под грохот современных дисков. Но доктор Боря поступил весьма тактично, начав с того, что было, так сказать, на слуху: с Первого концерта и Четвертой симфонии Чайковского. И Дина сидела как замороженная и глотала слезы, и в тот вечер душа ее распахнулась.

— Музыка — единственный вид искусства, который делает человека благороднее, потому что музыка лишена сомнений, — говорил он после концерта. — Вперед без страха и сомненья на подвиг доблестный, друзья...

Кажется, в этот миг они впервые поцеловались, и этот поцелуй вызвал в Дине целую бурю. Ей случалось целоваться, но никогда еще поцелуй не творил с нею ничего подобного. Она оглохла и ослепла, она слышала только один голос

и видела только одного человека, и тянулась, вся тянулась и льнула к нему, и если бы он сейчас взял ее за руку и повел, она бы пошла за ним на край света.

Но он уже не мог взять ее за руку и увести. Знал, что она покорно пойдет за ним, но воспользоваться этим даже не пытался, потому что опоздал. Дина понравилась ему сразу, он имел опыт общения с девушками, но эта вела себя так, что он с каждым днем все больше боялся ее обидеть. А когда она сама потянулась к нему, он вдруг понял, — что влюбился. Незаметно и словно бы нехотя влюбился впервые в жизни и уже не мог, не имел права взять за руку и увести туда, где они окажутся наедине. И вместо этого сказал:

— Знаешь, врачи очень мало получают.

— Что?

— Нет, я не о деньгах, я о другом, совсем о другом.

— Говорите, пожалуйста, говорите.

— Мы переходим на «ты». А поговорить еще успеем. Хорошо?

Дина долго размышляла и о первом поцелуе, и о его последних словах. Что значит «еще успеем»? Он хочет пригласить ее к себе? Это замечательно, только она не пойдет. К любому бы пошла, потому что отвечала за саму себя, а к нему нельзя было идти именно потому, что тут она за себя уже не

отвечала. А может быть, он имел в виду ресторан или кафе? Лучше бы ресторан, потому что там Дина могла бы показать все свое искусство. Да, да, конечно же ресторан, тем более что она только вчера получила стипендию, а он сказал, что у врачей маленькая зарплата. Кстати, зачем он так сказал? Может быть, намекал, что им пока нельзя заводить ребенка? Господи, как хорошо жить!..

— В ресторан? — Светлые брови доктора Бори (он был слегка рыжеват) удивленно поползли вверх. — Ну если ты так хочешь.

В ресторане, куда они попали с трудом, возникла некоторая несогласованность. Дине было все равно что есть и пить, потому что она рвалась танцевать; доктору тоже было все равно, но он рвался поговорить. В конце концов поприбывав на площадке только раз, он более из-за стола не вылезал, с удовольствием наблюдая, как танцует Дина. А Дина, которую то и дело приглашали, танцевала только для своего доктора Бори. И все было прекрасно и очень важно, но все же разговор оказался важнее.

— Учился я хорошо, но в московских аспирантурах оставляют только москвичей, а я из Вольска. Там у меня мать живет, а больше никого нет: отец нас бросил, когда я еще в детский сад ходил.

О, как Дина понимала, что значит жить без отца! И хотя Боря ни на что не жаловался, она чувствовала и его тайную боль, и с детства въевшееся ощущение некоторой неполноценности.

— Боренька, я все это пережила, поверь. У меня арестовали отца, когда мне было шесть лет. Обвинили в растрате, он был материально ответственным. Папа вскоре умер, а потом дело пересмотрели и отца признали невиновным...

— Я в себе уверен, понимаешь? — не слыша ее, продолжал доктор Боря. — На все сто процентов уверен, что добьюсь. Не желаете пускать меня в столицу? Пожалуйста, я найду другой путь. Собственный.

— Вперед без страха и сомненья...

— Да! Я уже подал документы и... Но об этом еще рано. Будут перемены, будут, веришь? У меня хорошая голова, отличные руки, я давно изучаю английский: неужели зарывать все это в землю? Неужели мой удел выписывать больничные листы и выслушивать жалобы пенсионеров? Нет, у каждого свой шанс в жизни, и важно его не упустить.

Тогда, в ресторане, было положено начало откровению: он возвращался к этой теме, толкуя о больших переменах, которые его ожидают. Он начинал подобные разговоры по любому поводу, точно пытался заглушить слишком уж натянутую струну в душе своей. Дина понимала, что ее

любимый глубоко уязвлен, и всячески поддерживала идею о прекрасных перспективах, полагая, что сама надежда на перспективы компенсирует смятение его души. И он был безмерно благодарен ей и все говорил, говорил...

Они встречались теперь каждый вечер, и Дина очень скоро поняла, что вполне может обойтись без стенной газеты и даже без танцев. Правда, от нагрузок ее никто не освобождал, но она все стала выполнять поспешно и далеко не с прежним азартом. И только по-прежнему по утрам бегала на почту, где к ней давно уже привыкли.

Двадцать третьего февраля она подарила ему кожаные перчатки: он был очень растроган. Восьмого марта им встретиться не пришлось, так как доктор дежурил, и увиделись они только через два дня.

— Прости, но я ничего не могу тебе подарить. До праздников были невозможные очереди, а сейчас в магазинах — хоть шаром покати.

— Ну что ты, Боренька, какие мелочи.

Но как раз мелочи и ранят больше всего, потому что им нет оправдания. И Дина была удивлена и обижена и не смогла этого скрыть. Хотя очень старалась. Он почувствовал, каким напряженным стал ее голос, забормотал что-то беспомощное, отчаянно глупое; Дина почти

по-матерински грустно улыбнулась и неожиданно поцеловала его прямо у входа в метро.

— Дина, — потрясенно зашептал он. — Диночка, я... Я прошу тебя стать моей женой.

Дина с каким-то непонятным ему страхом в упор глядела на него. Доктор смутился, завздохал, затоптался, и это неуклюжее его топтанье, эта вдруг прорвавшаяся робость теплой волной обдала Дину.

— Эх ты, Борька, Боренька, зачем же так шутить?

— Не веришь? — закричал он, сжав ее плечи. — Не веришь, да, не веришь мне? Такси! Такси!..

Он запихнул ее в машину, и они помчались напрямик во Дворец бракосочетания. Он молчал всю дорогу и обиженно хмурился, а Дина обмирала от счастья и страха. Так они и прибыли, так и подали заявление, так и вышли из Дворца.

— Ну вот, — он улыбнулся. — Тебя только штурмом и можно...

А Дина разрыдалась. Она ревела громко и отчаянно, схватив его за отвороты пальто и тычась лбом в грудь. Ревела от невыносимого счастья, которое уже не умещалось в ней.

— Я люблю тебя. Боже, как я люблю тебя!..

— Прекрати, — строго сказал он. — Все должно быть как завещано сказками.

И все было как завещано сказками. Жаркие поцелуи и трудные расставания. Полуночный шепот с подружками в общежитии. Длинные письма маме, и мамины слезы в далекой Перми. Девичья суматоха по поводу белого платья, которое покупалось всем курсом в складчину. И поход делегации к ректору с просьбой разрешить отпраздновать свадьбу в общежитии, поскольку ни жених, ни невеста не имели собственного угла.

Доктор Боря принимал деятельное участие во всей этой суете. Стремился каждую минутку быть рядом и, едва закончив прием, мчался на свидание. За три дня до свадьбы купил обручальные кольца, но выглядел столь мрачным, что Дина встревожилась.

— Что-нибудь с мамой?

— Нет, нет, все в порядке.

— На тебе лица нет, Боренька.

— Все в порядке, — с ноткой раздражения повторил он. — Извини, я сегодня должен уйти пораньше, а завтра дежурю, так что...

Обеспокоенная Дина все рассказала в общежитии. Но всезнающие подружки весело успокоили:

— Нормальная мужская реакция. Твой Боря прощается с холостяцкой свободой, только и всего.

Наверное, они были правы, потому что доктор, появившись через сутки, не отходил от нее

ни на шаг. Только был задумчив, тяжело и часто вздыхал. «Прощается, — думала Дина. — Ах ты, глупенький, да разве я стану покушаться на твою свободу?» Но ничего не говорила, потому что все шло как надо, и даже внезапная мрачность жениха легко и просто объяснялась всеми посвященными:

— Это девушки перед свадьбой плачут, а мужчины мрачнеют.

Дина не плакала, а радовалась и с жадным нетерпением ждала двух часов июньской субботы, на которые была назначена регистрация. Но встретиться решили в двенадцать в сквере у Большого театра. И без пятнадцати двенадцать сияющая и очень похорошевшая Дина появилась там в подвенечном наряде с целой свитой друзей и подружек. Растроганные пенсионеры уступили скамейку; невесту усадили в центре, и девочки весело и чуть завистливо щебетали вокруг.

В двенадцать он не пришел.

Зато пришли ребята с параллельных потоков, и все принялись еще больше шутить и смеяться. Только стали чаще поглядывать на часы. И Дина тоже смеялась, но уже чуть напряженнее.

Он не пришел и в час.

Шутили уже не все, но все еще улыбались. Даже невеста. А в половине второго трюх отрядили во Дворец, поскольку кто-то